

Бенно Эннкер

Советский народ, сталинский режим и конституция 1936 года в политической истории Советского Союза: исследовательские подходы и предварительные выводы¹

<1>

Понятие «советский народ»² фактически получает юридическое закрепление только в конституции 1936 г. Конституция сыграла формообразующую роль не только в сфере общественного регулирования советских государственных институтов. Также она стала важным этапом в процессе формирования «советского народа», хотя этот термин не упоминается и соответственно не эксплицируется в тексте конституции. Главным образом, он проявился во время разработки конституции, затем во «всенародном обсуждении» ее проекта и, наконец, в связи с кампанией по выборам депутатов Верховного Совета СССР. Из последних работ, посвященных сталинской конституции 1936 года и «всенародному обсуждению» ее проекта, стоит прежде всего упомянуть статью американского историка А. Гетти,³ заслуга которого состоит в том, что он заново проработал источники по данной теме. Помимо различных журнальных статей, из новейшей Российской историографии в связи с нашей темой достойны упоминания диссертации А.А. Макарецва и Е.А. Шершневой, опирающиеся на архивные документы.⁴

В политическом плане, «советский народ» конструировали путем формирования коллективной

¹ Я благодарен фонду "Thyssen" за финансирование исследовательского проекта «Конструируя советский народ в 1935-1938: Между Конституцией и Великим террором» и Германскому Историческому Институту в Москве за месячную стипендию.

² Сегодня в памяти большинства людей понятие-конструкт «советский народ» связано прежде всего с идеей национальной (точнее – многонациональной) общности. На самом деле создание этого конструкта прошло несколько этапов. Конструкт «советский народ» на первом этапе проектировался как сплав двух классов, рабочих и крестьян (Об этом говорится в моей в статье.) На следующем этапе произошел идейный сплав наций. Я благодарен Елене Зубковой за то, что она довела до моего сведения это уточнение.

³ *Getty J. A. State and Society Under Stalin. Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. Vol. 50. 1991. P. 1835.* К сожалению, при интерпретации источников Сталинской политики он истолковывал политические термины «выборы», «демократия» и так далее буквально, без учета всего общественно-исторического контекста тоталитарного режима. В результате он отверг представление о том, что Сталин преднамеренно устроил, пользуясь Конституцией и выборами, демократический фарс. Он якобы оставил путь «демократизации» лишь под давлением большевистских лидеров в регионах, которые опасались выбора «антисоветских элементов». Генеральный секретарь представляется даже как сторонник «конкуренции между различными политиками». Сходная позиция: *Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М., 2003.* Убедительная критика: *Павлова И.Вл. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. №3. С. 1937.*

⁴ *Макарецв А.А. Развитие институтов прямой демократии в СССР в 1935 – 1937 гг. (на материалах сельских районов Западно-Сибирского края). Дис. канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006 г.; Шершнева Е.А. Создание Конституции СССР 1936 года. Диссертация кандидата юридических наук. М., 2011.* В этом труде имеется обширный обзор русскоязычной литературы по данной теме.

идентичности, а также социальной и политической интеграции в Советском государстве» как государстве нового типа – Сталинском государстве. Эти процессы особо активизировались в 1935-1938 гг. Публичное обсуждение конституционного проекта представляло собой внешнюю форму, в которой «советский народ» занял свое место на исторической сцене. То, что Сталинская конституция, в сравнении с действительностью, была «фальшивой», и сегодня не оспаривается.⁵ Однако в русле историко-культурной теории давно уже бытует тезис о том, что при абсолютизации этого подхода от нашего внимания ускользает символическое значение конституции для общества.⁶ Вопрос о символическом значении Конституции 1936 года для советского общества остается по-прежнему актуальным. Конституция сыграла ключевую роль в процессе становления «советского народа». «Советский народ» можно рассматривать как центральную категорию политической истории сталинизма.

<2>

О процессе подготовки конституции: Конфликты в Конституционной комиссии

Вячеслав Михайлович Молотов, глава Советского правительства, по поручению Политбюро и ЦК в феврале 1935 г. обосновал перед делегатами Съезда Советов проект по «внесению изменений в конституцию» и созыв Конституционной комиссии.⁷ В содержательном плане речь здесь идет о решении внести «некоторые поправки в конституцию» в связи с введением всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Это подразумевало поистине революционные изменения в действующей до того времени советской системе. Избирательным правом по конституциям 1918г. и 1924г. не наделялись так называемые «бывшие» классы и слои, включая жандармов, духовенство и «кулаков», которые составляли примерно от пяти до семи процентов населения. Среди тех, кто был наделен правом голосования, устанавливались следующие пропорции: голос городских рабочих или служащих приравнивался к пяти голосам крестьян. Советы как представительные органы избирались непрямо, а только через подчиненные им советы. На смену всему этому должна была прийти система, которую Молотов назвал «советским парламентаризмом» и которая существенно напоминала западные демократии. Советские граждане и избиратели должны были сравняться в своих правах, а именно – стать «советским народом».⁸

<3>

«Хозяином положения» на всех этапах совещаний Комиссии был Иосиф Сталин, который, к тому же,

⁵ *Maurach R.* Handbuch der Sowjetverfassung. München, 1955.

⁶ *Brodacz A.* Die symbolische Dimension konstitutioneller Institutionen. Über kulturwissenschaftliche Ansätze der Verfassungstheorie // *Schwelling B.* (Hrsg.): Politikwissenschaft als Kulturwissenschaft. Theorien, Methoden, Problemstellungen. Wiesbaden, 2004. S. 131-150.

⁷ Отчетный доклад тов. Молотова о работе правительства VII С-езду Советов ССР. Правда, 29.1.1935.

⁸ Но это выражение не фигурирует в докладе Молотова

был назначен председателем руководящего органа численностью около 100 человек. При этом, как в главную, так и в нижестоящие комиссии были включены некоторые большевики, которые не являлись сторонниками Генерального секретаря и которых принято было считать представителями внутрипартийных оппозиционных групп. Самыми известными из них были Николай Иванович Бухарин, Карл Бернгардович Радек, Евгений Брониславович Пашуканис и Николай Васильевич Крыленко. Их участие в Комиссии было обусловлено их образованностью и юридической эрудицией. Однако, несмотря на их присутствие, несомненным численным преимуществом в комиссии пользовались сторонники Сталина.⁹ Среди них основными проводниками линии Генерального секретаря были Яков Аркадьевич Яковлев, Алексей Иванович Стецкий и Борис Маркович Таль, все – высокопоставленные руководители в аппарате ЦК. Ими был подготовлен первый вариант, т.н. «черновой набросок» проекта конституции, составленный на основе поступивших из подкомиссий предложений. Спустя примерно год после того, как Комиссия приступила к работе, Сталин презентовал себя в интервью американской газете как главного вдохновителя и толкователя конституционного проекта и подчеркнул «демократическое» значение последнего для советского общества.¹⁰ Вскоре после этого, Сталин вместе с тремя вышеупомянутыми высокопоставленными членами комиссии и Молотовым отредактировал первый вариант проекта и внес в него значительные изменения.¹¹ При этом он добился того, что Конституционная комиссия, а так же руководящие органы партии и государства «в целом одобрили» проект, чтобы вынести его в таком виде на «всенародное обсуждение» в середине июня 1936 г.¹²

Конструкт «советский народ» как новый субъект государства сложился в ходе многочисленных дискуссий на разных уровнях советской иерархии и общественности. В них разговор шел о социальных и правовых характеристиках этого нового субъекта.

В Конституционной комиссии велись разнообразные дискуссии вокруг двух важных проблем при определении советского народа: 1. социальное определение советского народа 2. распределение основных прав.

<4>

Сталину удалось добиться принятия всех своих предложений. Ни одно альтернативное предложение не было одобрено. Он настоял на введении формулировки, определяющей Советский Союз как «социалистическое государство рабочих и крестьян», вместо обозначения его государством «свободных городских и сельских трудящихся» (Бухарин).

---

⁹ Редакционная Комиссия: Утверждение членов подкомиссий. Протоколы заседания Конституционной Комиссии, 15. - 21.7.1935, ГА РФ, Ф. 3316, Оп. 40, Д. 81, Л. 4, 5.

¹⁰ Беседа тов. Сталина с председателем Американского объединения "СкриппсГорвард Ньюспейперс" гном Рой Говардом 1 марта 1936 года // Борьба классов № 3 (1936). С. 110.

¹¹ Первоначальные проекты с корректурами Сталина. Заседание у тов. Сталина (17.4. - 22.4.1936), ГА РФ, Ф. 3316, Оп. 40, Д. 5, 6.

¹² Протокол пленума ЦК (1.6.1936), РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 563, л. 4–5.

В предложениях членов Комиссии прослеживаются различные контуры «советского народа», каким его видели и стремились зафиксировать. Оппонентами Сталина в этом дискурсе по различным вопросам конституционного проекта были Бухарин, Пашуканис и Крыленко. Каждый из них выступил со своими предложениями. Бухарин пытался дать более четкое определение гражданских прав в отношении государства, объединить советский народ под понятием «трудящиеся», закрепить право граждан на судебное разбирательство в случае правонарушений, допущенных государственными органами, а также узаконить «свободу критики и самокритики». Закрепление в конституции политической монополии большевистской партии означало провал проекта Бухарина. Ни одно из его предложений не было включено в окончательный проект конституции.¹³ Вскоре после завершения работы Комиссии Сталин распорядился уничтожить в чистках своих оппонентов, а так же упомянутых выше сторонников режима: Стецкого, Таля и Яковлева.

<5>

«Всенародное обсуждение»

«Всенародное обсуждение» проекта Конституции проходило с июня по ноябрь 1936 г. По всей стране состоялось несколько тысяч собраний, которые были призваны охватить как можно более широкие массы населения. Поэтому обсуждение надлежало проводить в форме заседаний краевых и районных исполкомов и советов, а затем по цепочке «сверху вниз» – вплоть до фабричных, колхозных и деревенских собраний.¹⁴ При этом речь шла не только об одобрении или неодобрении конституционного проекта как такового. На рассмотрение выносились также возможные изменения и поправки. В итоге Всенародное обсуждение вылилось в десятки тысяч отчетов, которые по распоряжению Центра были собраны и отправлены в архивы.¹⁵

Сопровождалось это интенсивной агитационной и пропагандистской кампанией в советских СМИ. Во всех газетах страны появились рубрики с письмами читателей, которые высказывали мнения и свою оценку конституционного проекта. Без сомнения, эти донесения предварительно проверялись и отсеивались функционерами Центрального аппарата. Дискуссии на собраниях также следовали большевистским риторическим нормам и, не в последнюю очередь, подчинялись санкциям

---

¹³ Политические и гражданские права и обязанности работников социалистического общества (Проекты без даты), ГАРФ Ф. 3316, Оп. 40, Д. 24, л. 22 – 41. Несколько вариантов проекта РГАСПИ, Ф. 558, Оп. 1, Д. 3275, Л. 45 - 52. Вклад Бухарина в Конституционной комиссией ограничился этими пунктами.

¹⁴ Схема отчетности всесоюзного обсуждения проекта конституции и проведении выборов на Съезде Советов. Постановление Президиума ЦИК СССР // О ходе всенародного обсуждения в городе Ленинграде, в Оржанском и Борисовском районах БССР и Павловском районе Горьковского края (1936), ГА РФ, Ф. 3316, Оп. 41, Д. 92, Л. 1 – 9. Статотчет о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР. Памятка напечатана в количестве 3500 экземпляров для ответственных секретарей от судсоветов до исполкомов союзных республик с обязательством посылать полумесячный отчет (1936), ИГиП РАН (Архив Института государства и права Российской Академии Наук), Ф. 1, Оп. 2, Д. 546 Л. 49.

¹⁵ После принятия конституции наиболее полный архив был собран в Институте государства и права Академии наук (Архив Института государства и права Российской Академии Наук), где я их нашел в нетронутном состоянии и смог ознакомиться с этими документами, так же, как и с коллекциями ГАРФ и РГАСПИ.

присутствующих на собраниях местных представителей партийного и государственного аппарата. Диспозитивы власти были в значительной мере встроены в дискурс (М. Фуко). Из документов в значительной степени становится ясно, что большевики обладали инициативой при формировании общественных настроений и что их взгляды были господствующими. Издано было несколько десятков брошюр с выдержками из резолюций собраний и писем граждан.¹⁶ Однако, в полном объеме эти сообщения не публиковали. Поэтому, вопреки мнению А. Гетти¹⁷, «всенародное обсуждение» проекта Конституции уже в формальном смысле слова нельзя считать отражением общественного мнения. Дискурсы, сформированные во время народного обсуждения, представляя собой мозаику из самых разнообразных мнений и оценок, которые тоталитарная власть различными способами пыталась использовать с целью получения информации.

<6>

Требование равенства

Отправная точка конституционного процесса – это введение общего и равного избирательного права и, следовательно, конституирование единого народа. По данному вопросу мнения многих участников «народного обсуждения» расходились. Судя по имеющимся заявлениям, предоставление избирательного права так называемым «бывшим людям» вызывало сопротивление почти на каждом собрании. С точки зрения многих участников дискуссий, лишены должны были и в дальнейшем оставаться исключенными из общности «советского народа». Если подобная тенденция к исключению обнаруживалась повсеместно, то тем настойчивей декларировалось равенство внутри самого «советского народа» в тексте Конституции, равно как и необходимость институционализации социальных отношений, как будет показано в дальнейшем.

В рамках самой конституции раздел, посвященный «гражданским правам и обязанностям» привлекал наибольшее внимание.¹⁸ В частности, сельские жители, составлявшие преобладающую часть населения, часто требовали равных прав с рабочими по части регулирования отпуска и выходных дней, а также страхования по болезни и пенсионного страхования. Как и прежде, в новом конституционном проекте эти гарантии предоставлялись Советским государством только рабочим и служащим (статья 120).

---

¹⁶ См. например: Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР (Челябинская область). Челябинск. Обл. Исполком. (Сост.) Челябинск, 1936; Дополнения, внесенные трудящимися города Тулы к проекту Конституции СССР. Тула, 1936; Дополнения трудящихся Ленинграда и Ленинградской области внесенные при обсуждении проекта Конституции СССР. Ленинград, 1936. Тиражи от 500 до 1500 экземпляров.

¹⁷ *Getty A. State. P. 24.*

¹⁸ ЦИК СССР: Всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР. Е. Пашуканис (Ред.), 1937 (неопубликованная брошюра), ГАРФ Ф. 3316, Оп. 41, Д. 189, Л. 8-10; Информационная сводка № 3/13 предложений к проекту Конституции Союза ССР (П. Туманов, Организационный отдел президиума ЦИК Союза ССР тов. Андрееву, 3.11.1936), РГАСПИ Ф. 17, Оп. 120, Д. 232, Л. 34.

<7>

Патерналистская зависимость, в которой оказалось население в результате огосударствления всех отраслей экономики, вынуждала людей ставить требования социальной безопасности на первое место среди «общественных прав граждан». В этом же ряду следует рассматривать часто звучавшую критику в адрес советского государства как «социалистического государства рабочих и крестьян». Осознав социально-политические последствия классовой дискриминации внутри советского народа, участники обсуждения почти во всех выдвинутых поправках требовали ввести термин «трудящиеся» в качестве общего социального знаменателя.¹⁹ Для социального формирования советского народа это значило, что значительное большинство участников «всенародного обсуждения» требовали, чтобы в основу понятия «народ» было положено именно представление о «трудящихся».

Тем не менее, Сталин не собирался предоставлять сельскому населению полного социально-политического равноправия, что стало очевидно из речи «Вождя» спустя несколько недель после завершения всенародного обсуждения.²⁰ В тексте конституции осталось определение советского народа, состоящего из двух компонентов – рабочих и крестьян – и таким образом он был разделен на первый и второй класс, причем второй класс состоял из ущемленных в своих социально-политических правах сельских жителей, несмотря на равенство в избирательном праве. Это парадоксальное сочетание равенства и неравенства роковым образом повлияло на шансы сформировать при помощи конституции коллективную идентичность советского народа.

<8>

Если взглянуть на материалы отчетов об «опасных» тенденциях в письмах и оценках «всенародного обсуждения»²¹, составленных встревоженными чиновниками НКВД, еще заметнее проявятся социальные противоречия проекта. Так колхозник П.И. Воронов из Ярославской области в письме в «Крестьянскую газету» сообщает от лица 25 собравшихся колхозников об их требованиях:

1. Чтобы нам колхозникам пользоваться правом городского рабочего ничуть не ниже
2. Чтобы сделать нас колхозников всех профсоюзниками и иметь профсоюзные книжки, чтобы могли иметь полное право, как у городского рабочего.
3. Чтобы была бесперебойная торговля в наших селах всеми товарами, а в особенности мукой, а то у нас очень редко забрасывают муку, и колхозники бегают за хлебом за 30 километров, потому что в кооперативах ничего нет, и кожаной обуви нет почти нигде ...²²

¹⁹ См. например: Вырезки из газет и сводок с предложениями по проекту Конституции к статье 1-ой ГА РФ, Ф. 3316, Оп. 41, Д. 1, Л. 3, 7, 9, 10, 17, 20 - 25, между прочим: Известия, 24.6.1936, 27.6.1936; Омская правда, 28.6.1936, 27.7.1936, Кировский рабочий, 15.9.1936. Обзор предложений (3.11.1936): там же, Л. 37 - 45.

²⁰ Сталин, И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, 25.11.1936 года // Правда, 26.11.1936.

²¹ Частично данные материалы находятся в РГАСПИ и ГАРФ.

²² Информационная сводка Но. 3/13 предложений к проекту Конституции Союза ССР (П. Туманов, Организационный отдел президиума ЦИК Союза ССР тов. Андрееву, 3.11.1936), РГАСПИ Ф. 17, Оп. 120, Д. 232, Л. 74, 75.

Есть письма, в которых эксплуатация колхозов государством откровенно критиковалась. Такие письма в «сводках» НКВД относили к категории «враждебно-реакционных» или «антисоветских» заявлений.²³

<9>

Конечно, поступало немало одобрительных донесений, в которых конституция именовалась большим «благам» со стороны сочувствующего народу государственного руководства, сумевшего обеспечить крестьянам «счастливую жизнь». Однако центральной темой «всенародного обсуждения» на селе оставалась проблема правового неравенства рабочих и колхозников.²⁴ Кроме того, тот факт, что социальное страхование по возрасту и в случае болезни (параграф 120) было предусмотрено только для рабочих, расценивалось колхозниками как дискриминация: «Чем мы, колхозники хуже рабочих – однако нам в случае инвалидности по новой конституции государство не будет оказывать никакой помощи. Эта конституция хороша только для рабочих, а нас, крестьян, будут снова гнуть, да еще вдвое против прошлых лет».²⁵

Конституция 1936 года стала важным этапом в формировании советского народа, так как термин «враги народа» впервые оказывается включен в текст конституции. Под этот вердикт, исключая отшельных людей или целые коллективы из сообщества советского народа, по статье 131 подпадают: «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность». Трудно было ожидать, что на всенародном обсуждении открыто прозвучали бы голоса, возражающие против такого определения «внутреннего врага». При этом в ходе народного обсуждения имелось значительное число заявлений, в которых определение «врага народа» переносилось и на другие категории меньшинств и нарушителей законов.²⁶ В этом можно усмотреть симптомы того, что уже приближалось время, когда доносы на «врагов народа» стали частью повседневной жизни.²⁷ Во время «Большого террора» они достигли своего апогея. Демагогические массовые кампании, запущенные в 1937 г. с целью выявления врагов народа, пали вследствие этого на благодатную почву.

Во всенародном обсуждении, при этом, отразились и реальные опасения, связанные с расширительной трактовкой понятия «советский народ». Так, от собрания избирателей в сельсовете

---

²³ Там же, Л. 48 - 52. Демократия ... под надзором НКВД. Обсуждение Конституции 1936 г. // Неизвестная Россия XX век. Вып. II, М., 1992. С. 272-281.

²⁴ Соколов, А.К. Конституция 1936 года и культурное наследие сталинского социализма // Социальная история 2008. М., 2009. С. 137-164., цит. с. 145.

²⁵ Демократия ...под надзором НКВД. С. 274, 275.

²⁶ Информационная сводка Но. 3/13 предложений к проекту Конституции Союза ССР (П. Туманов), РГАСПИ Ф. 17, Оп. 120, Д. 232, Л. 70; Письма граждан с предложениями к проекту нового Конституции Союза ССР (ЦИК СССР, Орготдел), ГАРФ, Ф. 3316, Оп. 41, Д. 193, Л. 55.

²⁷ Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York, 1999. P. 134 et passim, 207-209. *Idem* Signals from Below // *Idem* Tear off the Masks. Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton, 2005. P. 205-239.

Ивановска Красноярской области поступило следующее донесение: «Восстановить бывших лишенцев в правах означает, что после публикации новой конституции должен быть выпущен указ, по которому выселенные крестьяне могут быть снова восстановлены в правах – но не в праве покинуть место высылки».²⁸

<10>

Таким образом, идея избирательного права как таковая размывалась. Фактическое исключение сотен тысяч жертв коллективизации из воображаемого сообщества советского народа проливает свет на механизмы его формирования. Руководители колхозов, председатели сельских советов и другие функционеры, выигравшие от коллективизации, нередко опасались наделения избирательным правом лишенцев и выселенных. Сложный процесс формирования коллективной идентичности советского народа привел к возникновению народного сообщества, готового впоследствии содействовать террору. В 1937-ом году по приказу 00447 именно те социальные категории, которые в ходе всенародного обсуждения фактически были исключены из состава советского народа, стали мишенью массовых расстрелов, определявшихся квотами.²⁹

К категориям, подлежащим исключению, в ходе народного обсуждения нередко причислялись также представители духовенства. Разумеется, это в корне расходилось с заявленной в проекте конституции свободой вероисповедания. С другой стороны, в широком ряде случаев крестьяне, правда, вне официальных собраний, ссылаясь на статью 124, требовали возобновления работы церквей, закрытых властями в предыдущие годы, преимущественно, в связи с кампанией по коллективизации. Вскоре стало очевидно, что эти надежды имеют весьма иллюзорный характер. На следующий год советская власть обнаружила, что по результатам переписи населения больше половины советских граждан называли себя «верующими». Начиная со времени народного обсуждения во второй половине 1936 г., гонения на священников Русской православной церкви заметно ужесточились.³⁰ Результатом стали расстрелы тысяч священнослужителей в 1937 г. в ходе массовых кампаний по ликвидации, основанных на пресловутом «указе 00447».

<11>

Какой образ «советского народа» складывается у наблюдателя?

В материалах собраний встречается множество антилиберальных стереотипов, которые были укоренены в деревне и перекликались с большевистской риторикой классовой борьбы по принципу «враг-друг». Там, где эти установки пересекались, советский народ проявлял свой менталитет.

²⁸ Информация Но. 3: Об итогах Всенародного обсуждения проекта Конституции Союза ССР по Ачинскому району Красноярского края по состоянию на 15 ноября 1936 года, Архив ИГиП РАН, Ф. 1, Оп. 2, Д. 49, Л. 16.

²⁹ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал "Большим". Секретный приказ Но. 00447 и технология его исполнения. М. 2003. С. 21.

³⁰ Werth N., Moulllec G. (Ed.): *Rapports secrets Soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels*. Paris, 1994. P. 300-307. См. документы: Лурляндски И.А. Сталин, власть, религия. М. 2011. С. 483-522.

«Советский народ», который проявляется в этой мозаике дискурсов, оказывается продуктом традиционной культуры и одновременно результатом влияния советской социализации. Его менталитет стал удобным полем для большевистской агитации против «других», будь то так называемые «бывшие» или «враги народа».³¹ Давняя русская традиция четкого противопоставления «своих» и «чужих» превратила большую часть населения в потенциальных чужаков из «вражеского лагеря».³² Итак, в материалах всенародного обсуждения проявляется уже та ментальная атмосфера, в условиях которой сталинский террор смог реализоваться не только в чистках элиты, но и в массовом терроре, направленном против населения. Сталинское руководство внимательно отслеживало отмеченные расколы и ментальные клише «враг-друг», принятые среди населения. Проект конституция 1936 года и результаты всенародного обсуждения позволяют сделать некоторые гипотетические выводы о роли конституции и «советского народа» в политической истории Сталинского периода. Введение новой конституции Сталинским руководством стало вехой в процессе образования централизованного силового государства, способного беспрепятственно проводить политику «сверху вниз».³³ Это была единственная государственная форма, которую Сталин признавал «социалистической», вопреки всем принципам федерализма и теориям о «вымирании государства». В подготовке конституции и в кампании «всенародного обсуждения» на первый план выходит «советский народ» как символический медиум интеграции и укрепления конституционного дискурса. Еще одним мотивом для этой кампании являлось стремление сформировать за рубежом позитивный образ демократической страны.³⁴ Но важнее всего были внутривластные интересы советского руководства. Разработка конституции и «всенародное обсуждение» в историческом плане пришлось на ту переходную фазу второй пятилетки, которая в историографии именуется попыткой частичного «примирения сталинского режима с обществом»³⁵, которая не в последнюю очередь включала в себя даже элементы политической «интеграции». Одним из ключевых моментов этой «интеграции» была Сталинская конституция, а медиумом этой «интеграции» являлся «советский народ».

<12>

Мое исследование образа «советского народа» показывает, что Сталинская «интеграция» предполагала одновременно и включение, и исключение, так же как и политика «примирения

---

³¹ На примере «мобилизации бдительности» в 1937 г. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. С. 322-338. См.: *Ellman M.* The Soviet 1937–1938 Provincial Show Trials Revisited // *Europe-Asia Studies*. Vol. 55. No. 8 (2003). С. 1305–1321.

³² *Lewin M.* The Making of the Soviet System. London, 1985; *Altrichter H.* Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984; Гудков, Л. (Сост.) Образ врага. М., 2005; *Вихавайнен Т.* Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия Русской интеллигенции, СПб, 2004.

³³ *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995.

³⁴ *Хлевнюк, Хозяин.* С. 249.

³⁵ *Хлевнюк, Хозяин.* С. 241 - 249.

сталинского режима» всегда сопровождалась репрессиями. Кампания по созданию «советского народа» и выборы в Верховный Совет перешли непосредственно в Большой террор, мотивы и функции которого были многослойными. По мнению Николая Верта, репрессивные меры по массовому уничтожению людей, их депортации и отправка в концентрационные лагеря «были проявлением социальной и этнической инженерии, направленной на создание принципиально новой общности — советского народа».³⁶ Итак (вопреки тезисам историка Юрия Жукова) сталинский режим при разработке новой конституции ни в коей мере не ставил целью «демократизировать» Советский Союз. «Демократизм» Сталина ограничивался мобилизацией населения под популистскими лозунгами. Он был направлен против местных руководителей и на их ликвидацию, равно как и на унификацию отдельных органов власти ради централизации. Для советского лидера именно это означало конструировать «советский народ». Народ, который был бы лишен каких-либо институтов представительства, народ без какой-либо самостоятельной структуры организации своих интересов. Этот народ должен был стать единой массой, готовой подчиняться исключительно вождю. В. Молотов выразил эту взаимосвязь следующими словами: «Есть имя, которое представляет собой символ морального и политического единства советского народа. Вы знаете — это имя Сталин.»

---

³⁶ *Верт, Н.* Сталинизм и массовые репрессии // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 97.